

Анна Аверьянова / Ворота бинарности, Мурзилка 93

В качестве предисловия я хочу предупредить о том, что текст будет содержать множество отсылок, часть из которых – мои методологические разработки, как свободной исследовательницы, инженерки, художницы. Картина мира собирается в соавторстве с другими производителями знания. Это чаще всего микро-диалоги, реакции на сториз, переписки в мессенджерах, брошенные фразы на вечеринках, короткие диалоги в рамках лекций, пометки, которые я делаю, прослушивая лекции с ютьюба. Или это возникшие из опыта, практические наработки – аффективная теория актуальных проектов, – проброшенная в будущее или установленная с помощью рефлексии. Например, Самоорганизация ДК Розы, постсоветские исследования товарищества с тьюторской группой Что Делать, исследования в ни чего делать.

Где искать вход в товарищество? Какие примеры современного товарищества мы находим? Можно предположить, что залог товарищества – общая идея. Перечислить варианты, где общая составляющая – это аффект. Товарищи по несчастью – то, как сейчас формируется коллективность. Можно заподозрить чувство товарищества среди ростоварейцев, полиции. Похоже, произошло слипание понятий советского товарищества и стремления к чувству социальной принадлежности, присущему каждому человеку. Но все эти основания, включая равенство, также могут постулироваться в фашистских режимах. Позитивное или основанное на сентиментальном постсоветском шлейфе товарищество может обернуться легализованным системным насилием.

Современные товарищи находятся в критической позиции по отношению к социализации, гражданскому положению, положению по отношению к власти. Основа товарищества – эмансипаторность. В том числе освобождение через радикальное воображение, предполагающее прохождение через ворота бинарности. Удерживая бинарные пары, мы находим, какие группы или практики соответствуют категории товарищества. Кто эмансипируется и самоорганизуется? Например, квир практики проскальзывают между полюсами мужского и женского, а практикующие прокрастинацию – находят себя между выполнением задачи и ленью, гниением. Очень надеюсь, что мы не стремимся к успеху – грандиозности – и не падем в пропасть ничтожности.

У нас не получается фиксировать зоны товарищества, но мы видим товарища в другом. Не через розовые очки содействия или мобилизации, коллегиальности, а через очки чертовщины, эмансипаторной позиции. То есть через удержание полюсов бинарности: рога у черта и его тонкий ослиный хвостик – интерфейс солидарности.

В процессе наших постсоветских исследований товарищества в Школе Вовлеченного Искусства я наткнулась на архив журнала Мурзилка. Образ главного персонажа – мутировавший из желтой дворняги персонаж с беретом и шарфом. Первый номер вышел в 1924 году, и до 1991 года журнал был печатным органом ЦК ВЛКСМ. Редакторское резюме журнала гласило: «"МУРЗИЛКА" отразит в себе и ребячье житье-бытье, и природу. "МУРЗИЛКА" покажет, как ребята должны работать сообща, чтобы им весело было от работы». В ходе лаборатории я открыла издание 93 года и узнала/вспомнила комикс, который аффикировал меня девятилетнейю, а особенно – поведение злой волшебницы Ябиды Корябеды. Интересно, что он отразил мой алгоритм товарищества, товарищескую практику, как я ее вижу сейчас.

Попробуем проанализировать, что же происходит на картинках:

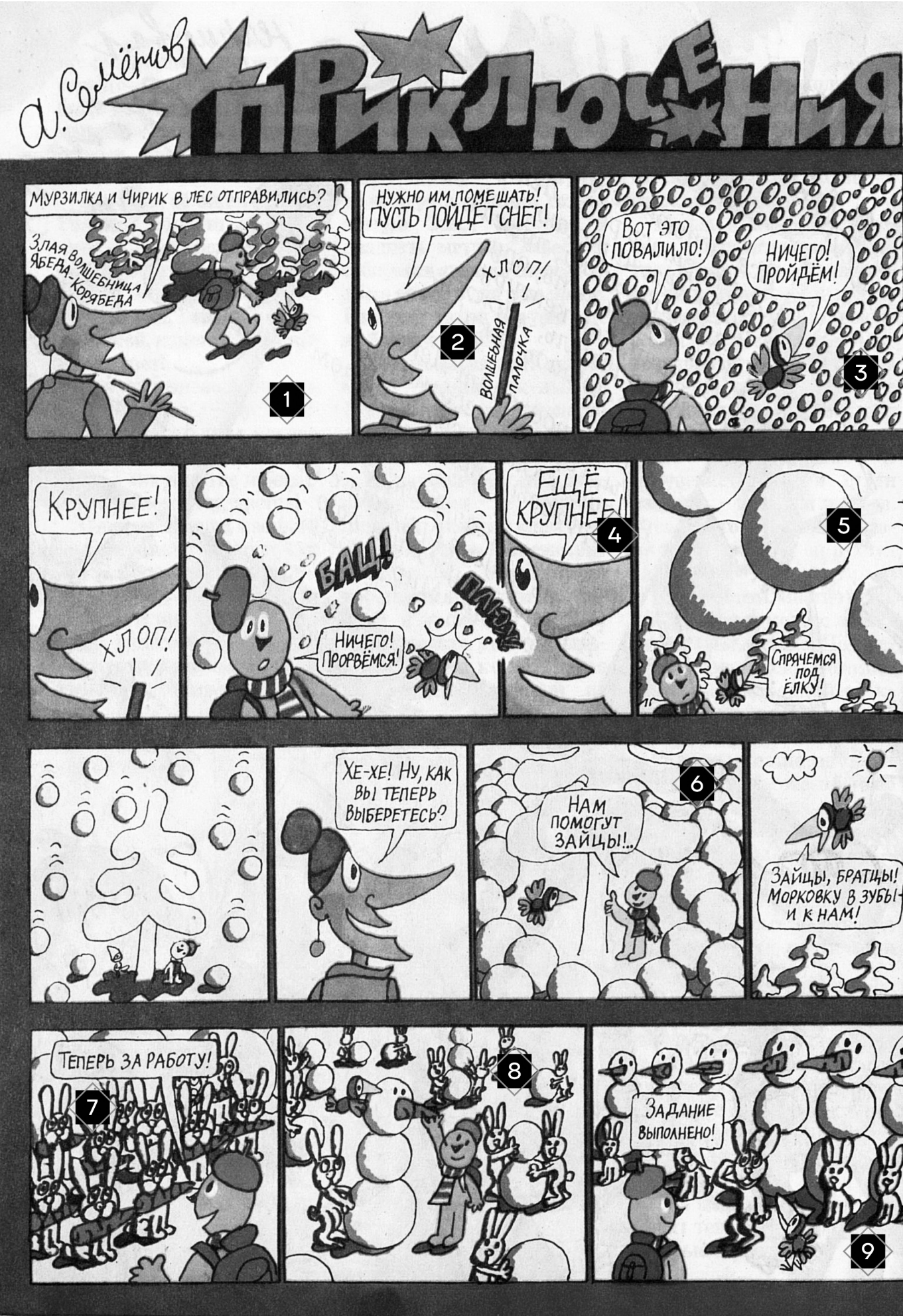
1. Аффект. Ябеда Корябеда захвачена любопытством и ревностью к партнерскому проекту. Ябеда – та, кто выносит тайные практики в поле товарищеского суда. Ябеда-корябеда, соленый огурец, на полу валется, никто его не ест! Исключенная, не принятый коллективом индивид. Хулиганство, пограничная и подравающая практика. Занимается созданием горизонтальных трудностей, которые в товариществе очень важны. Выбирая товарищество, а не сотрудничество или коллективность, ты попадаешь в ситуацию, когда своим даром усложняешь окружающим интимное существование.

2. Решает присоединиться через силы стихий.

3. Мир объектов заполняет все поле восприятия, вызывая тревогу. Пространство меняется и заполняется нечеловеческой агентностью.

4. Ее аффект с полюса ничтожности перемещается к полюсу грандиозности. Такая динамика свойственна индивидам с пограничной организацией. Тем, кто находится за пределами социального, и в то же время взаимодействует с ним.

5. Пространство изменилось. Благодаря трудностям, которые с радостью предлагает Ябеда, приходят новые возможности и потенциал для смещения взгляда на мир вещей.

Anna Averyanova / The Gates of Binarity, Murzilka '93

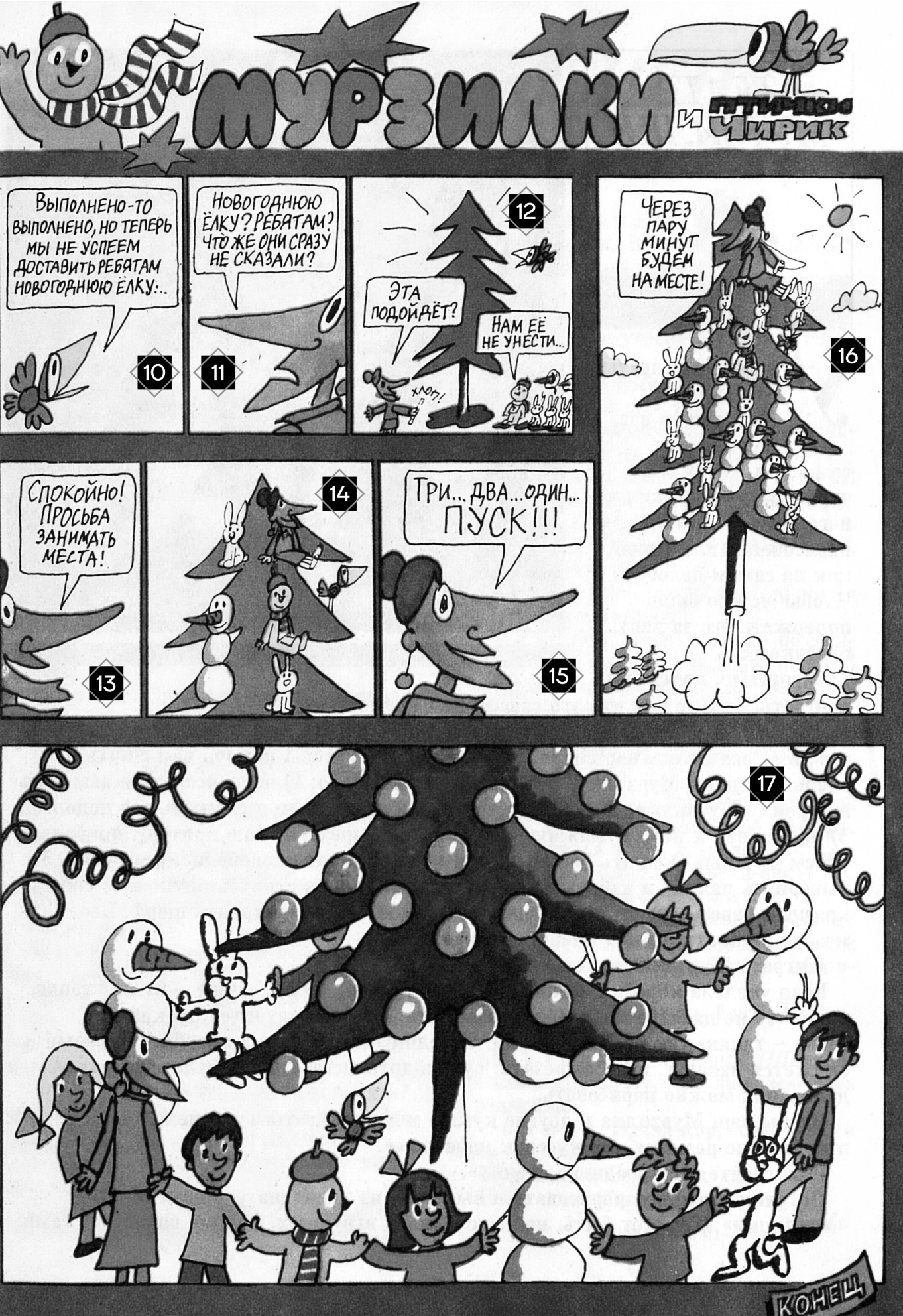
As an introduction, I want to warn you that this text will contain a multitude of references, some of which are my own methodological developments as an independent researcher, engineer, and artist. My picture of the world is gathered in co-authorship with other knowledge producers. This most often takes the form of micro-dialogues, reactions to social media stories, exchanges on messaging apps, phrases thrown out at parties, short dialogues during lectures, and the notes that I take listening to lectures on YouTube. Or they could be practical developments based on experience—an affective theory of pressing projects—cast into the future or established through reflection: for example, the Rosa's House of Culture Self-Organization Group, post-Soviet studies of comradeship with the Chto Delat tutor collective, or research with the SRI for Doing Nothing.

Where should we look for the entrance into comradeship? What examples of contemporary comradeship do we find? We could propose that the guarantee of comradeship is a common ideal. List of possibilities where the thing in common is an affect. Comrades in misfortune is how collectivity is formed now. We can suspect a sense of comradesie among National Guard soldiers, among the police. It seems like the concepts of Soviet comradeship and the pursuit of a feeling of social belonging have gotten stuck together. But all these bases, including equality, can also be postulated under fascist regimes. A comradeship that is positive or based in the sentimental post-Soviet wake can turn into legalized systemic violence.

Today's comrades are in a critical position vis-a-vis socialization, civil status, and relationship to power. The basis of comradeship is emancipatoriness, including the liberation through radical imagination that involves passing through the gates of binarity. Holding back the binary pairs, we discover which groups and practices correspond to the category of comradeship. Who emancipates themselves and who organizes themselves? For example, queer practices slip between the poles of masculine and feminine, while those who practice procrastination find themselves in between the carrying-out of a task and laziness and decay. I hope that we aren't striving for success—for grandeur—and aren't falling into the abyss of nothingness.

We're having trouble defining the comrade zone, but we see the comrade in the other. Not through the rose-tinted glasses of assisting or mobilizing them, or through collegiality, but through the glasses of devilry, of an emancipatory position. That is, through holding back the poles of binarity: the devil's horns and his little donkey tail are our interface for solidarity.

During our post-Soviet research into comradeship at the School of Engaged Art, I came across a collection of back issues of the illustrated children's magazine Murzilka. The protagonist is a character with a beret and scarf who mutated out of a yellow mutt. The first issue came out in 1924, and the magazine was the official publication of the All-Union Leninist Communist Youth League's Central Committee until 1991. The magazine's mission statement read: "Murzilka will reflects kids' life, as well as nature. Murzilka shows how kids should work together so that they have fun working." During the laboratory, I opened a '93 issue and recognized/remembered a comic that had affected me as a 9-year-old—in particular, I remembered the way the evil witch Yabida Koryabeda behaved. It's interesting that it reflected my algorithm of comradeship and comradely practice as I see it now.

Let's attempt to analyze what is going on in the pictures:

1. Affect. Yabida Koryabeda is seized by curiosity and jealousy towards this partnerly project. Yabeda is the figure who begets secret practices in the field of the comrade's court. An excluded individual, not accepted by the collective. Disorderly conduct, a liminal and subversive practice. She creates the kind of horizontal difficulties that are very important in comradeship. Choosing comradeship instead of collaboration or collectivity, you end up in a situation where your gifts make intimate existence harder for those around you.

2. She decides to join in through the power of the elements.

3. The world of objects fills their whole field of perception, causing alarm. The space changes and fills with non-human agency.

4. Her affect moves from the pole of nothingness to the pole of grandeur. This dynamic is characteristic of individuals with borderline organization, of those who are outside the bounds of the social and yet interact with it.

5. The space has changed. Thanks to the difficulties that Yabeda is glad to offer, new possibilities and the potential for the perspective to shift to the world of things appear.
6. A call for comradely mobilization. The collective expands for the sake of adaptation and non-human partnership.

7. Practices of everyone's shared desire come to their aid.

8. As they work, they gather new comrades. As we figured out, they are drawn by shared desires and non-human agency sewn together with the affect of a borderline character. The non-human appears as an actor; in light of an environmental disaster—the end of the world—they turn into helpers and comrades.

9. The zero-level of comradeship arises, where everything can be started afresh. Mobilization, equality.

10. A critique of practices of identity and mobilization appears.

11. They discover a problem of collective communication and clarify their common task. Insight, shedding light on the common task, moving towards the event.

12. Acceptance of weakness, a state of comradely frustration.
13. Evil offers comradely support, a comradely gift.

14. Assemblage. Saved by the sense of one's place in the comradeship. In holes, on the borders of the real.

15. The time of comradeship is specified, counting backwards, the magic of the deadline.

16. The launch of the ecosexual project—the Christmas tree remains pristine and hospitable. Trans-local practices of community are connected to new resources that were impossible to imagine before.

17. Here we see a circle dance—an event that organizes everyone—but we don't see its old foundation, the earth is absent. The comic asks us to think about a new epistemology: what are the dancing comrades' meaningful looks at us implying? What's up with the earth? Why is it missing from left-wing discourse and how can we reappropriate this concept?

см. полное издание